

⁴¹ См.: **Meyendorff J.** *Spiritual Trends...* P. 98—100; **Idem.** *Introduction à l'étude de Gregoire Palamas.* P., 1959. P. 34—36; **Idem.** *The Byzantine Legacy in the Orthodox Church.* Crestwood; New York, 1982. P. 137—139.

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ
Уральский университет

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ: УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ¹

Для истории византийского образования и образованности в высшей степени характерна преемственность. Почти все выдающиеся государственные и церковные деятели, ученые, писатели последних двух веков существования империи² оказывались связанными цепочкой, по которой передавались знания от одного поколения к другому. Ученик Монастариота, будущего митрополита Эфесского, Никифор Влеммид стал учителем Феодора II Ласкариса и Георгия Акрополита. Последний был учителем Григория Кипрского, который дал образование Феодору Музалону и Никифору Хумну. Максим Плануди Фома Магистр учили Димитрия Триклиния. Учениками Плануда были также Мануил Мосхопул и Георгий Лакапин. У Фомы Магистра учился будущий патриарх Филофей Коккин. Среди учеников Феодора Метохита мы видим Никифора Григору, Феодора Милитениота, Исаака Аргира, Мануила Вриенния. Последний в зрелом возрасте учился также и у Фомы Магистра. Никифор Григора учил Иоанна Кипариссиота, а также детей своего учителя Метохита. Не случайно последний, по словам Григоры, называл его «наследником своей учености» (*hoti diadochon tes autou sofias erepoiekeime*)³. Учениками будущего митрополита Фессалоникийского Нила Кавасилы были его племянник Николай Кавасила и Димитрий Кидонис. Среди тех, кто учился у Кидониса, были Мануил II Палеолог; посещал его школу и Георгий Гемист Плифон. Последний был учителем Марка Евгеника, будущего митрополита Эфесского, а также Георгия Схолария, позднее ставшего учеником Марка Евгеника. Виссарион Никейский учился вместе с Иоанном Аргиропулом и Константином Ласкарисом у Мануила Хрисококка; учителями Виссариона были также Хортасмен и Плифон; у Плифона учился и правнук Феодора Метохита Димитрий Рауль Кавакис. Учениками Схолария были Феодор Софиан и Матфей Камариота. У Иоанна Аргиропула учился Михаил Апостолий (оба — и учитель, и ученик — относились к кругу Плифона). Не все звенья цепочки⁴ смыкаются, но определение «учитель учителей» (*didaskalos ton didaskalon*), употребленное в отношении Феодора Милитениота⁵, может быть отнесено в широком смысле слова ко многим византийским ученым.

Приведенный здесь далеко не полный перечень учителей и учеников дает некоторое представление о преемственности образования в Византии. Все, кто учил и учился, знали друг друга, если не лично, то через своих друзей или по работам. Тесные контакты в мире византийской образованности, сохраняемые на протяжении многих десятилетий, несомненны.

Место учителя в жизни образованного византийца было обычно весьма значительным. Многие византийские писатели в своих автобиографиях или автобиографических экскурсах наряду с родителями называли имена своих учителей. Интимный характер обучения, передача учителем не только какого-то объема конкретных знаний, но и своего творческого опыта создавали в процессе преподавания особый нравственный и интеллектуальный климат.

По византийской традиции, начальное образование в среде аристократии и в состоятельных кругах в большинстве случаев было домашним. Обычно им руководил кто-то из родственников или людей, близких к дому. Так, первым учителем Никифора Григоры был его дядя со стороны матери митрополит Иоанн Ираклийский, которого он называет в своей «Истории» «первым после бога попечителем (*kedemon*) с детства»⁶. Начальные знания Димитрий Кидонис и Николай Кавасила получили от дяди последнего — митрополита Фессалоники Нила Кавасилы.

С именем первого учителя часто связывались не только первые знания, возможность приобщиться к миру наук, но и воспитание характера, нравственная ориентация в мире, который открывался перед подростком. Об этом выразительно сказал Никифор Григора, характеризуя Иоанна Ираклийского, преподававшего «своим пасомым такие законоположения и правила, которые сообщают человеку нравственную красоту, сдерживают в нем излишние порывы, приучают умерять желания и останавливают всякое нескромное движение»⁷.

После этапа первоначального обучения молодые люди из аристократических семей обычно направлялись в столицу или другой крупный город для продолжения своего образования у кого-либо из ученых, зарекомендовавших себя в той или иной науке. К примеру, Никифор Влеммид поехал из Труз в Никею для изучения риторики, затем — в Смирну для изучения логики⁸. Георгий Акрополит по настоянию покровительствовавшего его семье императора Иоанна Дуки изучал математику и риторику у Федора Экзаптеринга, логику — у Никифора Влеммида⁹. Никифор Григора учился риторике у патриарха Иоанна Глики, астрономии — у Феодора Метохита¹⁰. Григорий Палама риторике слушал у Григория Дримия, богословие изучал под руководством Феолипта Филадельфийского¹¹.

Каждый из стремившихся к образованию в большинстве случаев считал избранного им учителя самым выдающимся уче-

ным. Георгий Акрополит писал о Никифоре Влеммиде, что «все... его знали за лучшего знатока по части философии»¹². Григорий Палама называл Феопипта Филадельфийского светочем (luchnion), осветившим мир¹³. Никифор Григора так дорожил уроками патриарха Иоанна Глики, что старался пользоваться ими ежеминутно. Он писал о нем: «Это был человек мудрый, отличавшийся от всех благородным афинским выговором»¹⁴. Другого своего учителя, Федора Метохита, Никифор Григора прославлял за то, что он «один знал науку астрономии в совершенстве»¹⁵. Григора считал его воплощением «науки наук» (epistemen epistemon)¹⁶, постоянно подчеркивая универсальность знаний учителя: «Говоря о тебе как о риторе, поэте, астрономе, государственном деятеле, практике, мыслителе, мы остаемся строго верными истине»¹⁷. Никифор Григора высоко ценил значение трудов Метохита, считая их полезными правителям, военачальникам и вообще всем людям, жаждущим знания. «Гномические заметки» Феодора Метохита Григора называл «сокровищем, содержащим различные драгоценности, аптекой, могущей предложить различные лекарства...»¹⁸. Димитрий Кидонис писал о Ниле Кавасиле: «По учености не было такого второго, он не уступал никому из мыслящих людей этого времени, по характеру он был философом, а его слава соответствовала его способностям и достоинствам; его имя, уважаемое всеми, было у всех на устах»¹⁹.

Чувство почитания учителя часто переносилось на учителей учителя и его соучеников. Так, Григорий Кипрский называл школу Никифора Влеммида, где получил знания его учитель Георгий Акрополит, «местом вожделенным»²⁰. Виссарион Никейский поклонялся Димитрию Кидонису, учившему его учителя Плифона²¹. Михаил Апостолий, ученик Иоанна Аргиропула, написал панегирик в честь Виссариона Никейского, соученика Аргиропула²².

Почти каждый из учеников считал для себя долгом чести оставить сочинение, прославляющее учителя. Фома Гориантис написал благодарные стихи Максиму Оловолу за преподавание ему аристотелевского «Органона»²³. Юношей воспел Мануил Фил историка Георгия Пахимера в написанной ямбическим стихом монодии²⁴. Ученик Максима Планида некий Григорий посвятил ему надгробное слово²⁵. Никифор Григора оставил жизнеописание Иоанна Ираклийского²⁶. Другому учителю — Федору Метохиту — Григорий было написано надгробное слово²⁷. Мануил Калека написал слово, посвященное памяти Димитрия Кидониса²⁸. Надгробный панегирик Георгию Гемисту Плифону был посвящен его учеником Григорием Монахом²⁹. Стихотворная эпитафия Плифону была написана и Виссарионом (stichoi eis Plethona epitafioi)³⁰.

Обычно уже в юношеском возрасте складывался у учеников под впечатлением личности учителя идеал ученого. Так, для

Никифора Григоры примером для подражания в деле служения науке был Феодор Метохит. Что же в понимании Никифора Григоры характеризует его как настоящего ученого? Прежде всего он называет как неперемнный атрибут учености широкую эрудицию. Он писал о Феодоре Метохите: «На каждый вопрос о делах давно минувших или о позднейших он мог отвечать во всякое время и говорил, как по книге... Это была живая библиотека (*bibliothēke gaḡ en empsuchos houtos*), в которой легко было наводить необходимые справки...»³¹ Необходимым качеством ученого Никифор Григора считает стремление к постоянному совершенствованию в науке. Настоящий ученый «при смутном и тревожном положении дел, при самых разнообразных заботах, наполнявших его душу, всегда еще находил досуг читать и писать»³². Но в то же время он подвергал критике тех ученых, которые «с молодых лет совершенно предавшись ученым занятиям и оставаясь глухими ко всему происходящему вокруг них», не отдавали сил публичной общественной деятельности³³. Никифор Григора считал, что наука не может быть плодом трудов человека, оторванного от реальной жизни. Он писал: «Одинокое изучение наук, какое получается при посредстве книг, будет ли оно коротко или обширно, по моему мнению, походит на телесный организм, не имеющий еще души и только снабженный внешними чувствами...»³⁴ Григора преклонялся перед великим логофетом Феодором Метохитом за его умение совместить научную работу с активной общественной жизнью: «Он так распоряжался временем, что с утра до вечера всецело и горячо был предан занятиям по общественным делам (*ta koina dioikon*) во дворце, как будто ученость была для него делом совершенно посторонним; ночью же, возвратившись домой, он весь погружался в литературу, как будто был каким-нибудь схоластом, которому ни до чего другого нет дела»³⁵. Мы знаем, что многие византийские ученые стремились строить жизнь по этому образцу. К примеру, слова Григоры, характеризующие Феодора Метохита, в полной мере могли быть отнесены к месадзону императорского двора Димитрию Кидонису.

Признаком высокой учености Никифор Григора считал умение передать свои знания ученикам, в отличие от учителя, «который с кафедры говорит речи неблаговременные, безрассудные, трескучие, шумные и не заключающие в себе ничего полезного»³⁶.

Отношения учителей и учеников часто складывались в атмосфере дружбы. Как пример дружественной близости можно вспомнить отношения, сложившиеся в процессе обучения между Никифором Влеммидом и Феодором II Ласкарисом. Свидетельством их духовного общения являются сохранившиеся письма, собранные соучеником Феодора Георгием Акрополитом. Феодор Ласкарис в письмах называет Влеммида учителем, другом, отцом. Он пишет, что «они одно по душе и по мыслям», что «наука

и мысли связали их вместе»³⁷. Никифор посылал на суд Феодора свои сочинения, последний же постоянно заботился о материальном благополучии своего учителя³⁸. Дружеские отношения Никифора Влеммида и Феодора II Ласкариса не мешали учителю делать замечания бывшему ученику даже после его восшествия на престол³⁹.

Об уровне дружбы, выражавшейся во взаимных правах тех, кто был ею связан, свидетельствует пример Феодора Метохита и Никифора Григоры. Последний, поддержав однажды Метохита, огорченного осложнением отношений с императором Андроником II Палеологом, позволил себе сказать учителю: «Но я не могу похвалить тебя... которому следовало бы при таких обстоятельствах быть непоколебимой башней и образцом для других по твердости духа». Григора так заключает изложение своей беседы с учителем: «Этимися словами я пристыдил этого человека»⁴⁰.

Понятие «ученик и друг» характерно для византийской ученой среды. Мы знаем Мануила Мосхопула как ученика и друга Максима Плануда⁴¹. Учеником и другом Никифора Григоры был Агафангел⁴².

Димитрий Кидонис, вспоминая о своем первом учителе Ниле Кавасиле, писал об узах дружбы, связавших их в процессе занятий науками: «Со дней моей юности он был моим единомышленником в такой степени, что стремился превзойти воспеваемые образцы дружбы в своем отношении ко мне. Я понимал дружеское отношение этого человека и хотел доказать свою дружбу не меньше, чем он...» Основой дружбы становилась та атмосфера интеллектуальности, когда учитель стремился расти вместе с учеником. Их роднила радость познания и открытия нового. Это уже не просто почтительность и восхищение одного и снисходительное покровительство другого, но созвучное чувство обоюдной интеллектуальной близости. Димитрий Кидонис писал в «Апологии I» о Ниле Кавасиле: «...В своем росте я учился вместе с ним и мы сообща направляли свои усилия на науки»⁴³.

Отношения взаимного понимания и близости сложились в процессе обучения у Димитрия Кидониса и его ученика Мануила Палеолога⁴⁴, позднее ставшего императором. В течение многих лет они обменивались письмами⁴⁵, свидетельствовавшими о близости корреспондентов. Димитрий Кидонис был на свадьбе и коронации Мануила II⁴⁶. Мануил Калека и Максим Хрисоверг согревали дружеской близостью старика Димитрия Кидониса, который не был для них школьным учителем, но мэтром и наставником⁴⁷.

Чувством теплой заботы и ответственности за судьбу молодого человека отмечены письма Димитрия Кидониса к некоему Радену⁴⁸. Своими письмами-наставлениями Кидонис формировал у адресата жизненную позицию, являвшуюся, с точки зрения учителя, основой для ученых занятий, к которым он хотел

обратить молодого человека. Он уберег Радена от уз брака, настоял, чтобы он отошел от уготованной ему отцом коммерческой деятельности. Признавая необходимость материальных благ для человека, Димитрий Кидонис между тем поучал Радена, что деньги не должны быть жизненной целью. В адрес Радена были неоднократно повторены учителем рекомендации о стремлении к состоянию политической и духовной свободы. Службу Радена у другого его ученика Мануила Палеолога Димитрий Кидонис считал проявлением утраты независимости. Ведомые Мануилом переговоры с турками Кидонис комментировал как путь к потере внутренней свободы⁴⁹. Ранняя смерть Радена больно ранила старое сердце Кидониса.

Образцом дружбы между учителем и учеником поздневизантийского времени были отношения Георгия Гемиста Плифона и Виссариона Никейского, что нашло отражение в их переписке⁵⁰. Те ученики, которые особенно были близки Плифону, включались в число «своих» (эсотериков), в отличие от «пришлых» (эксотериков)⁵¹.

Учителя иногда делали наиболее близких учеников своими доверенными лицами. Так, патриарх Иоанн Глика поручил Никифору Григоре изложение своей последней воли⁵². Феодор Метохит оставлял на попечение Григоры дорогие вещи, находившиеся в восстановленном им монастыре Хора. Умирая, он поручил монастырь заботам ученика⁵³. Григора писал по поводу их отношений: «Он ставил меня почти наравне со своими детьми»⁵⁴. Мануил Калека в течение 1393 г. пользовался особым доверием Димитрия Кидониса, копируя собрание его поздних писем⁵⁵. Мануил II Палеолог получил по завещанию Кидониса часть его рукописей⁵⁶. Мануил Хрисококк, учитель Виссариона Никейского, дал ему письменное полномочие подписать от его имени церковную унию⁵⁷.

Ученики, в свою очередь, зачастую были движимы в поступках чувством долга перед учителем или его памятью. Известно, что Григора поддерживал огонь образованности в очаге, разожженном Феодором Метохитом, в знаменитой Хоре⁵⁸. Елена Кантакузина, давняя ученица Димитрия Кидониса, вспомнила о своем учителе при разделе имущества в момент ее ухода в монастырь⁵⁹. Димитрий Рауль Кавакис, ученик и секретарь Плифона, немало сделал для спасения рукописного наследия своего учителя⁶⁰. Иоанн Мосх, ученик Плифона, стал после смерти учителя главой основанной учителем школы.

Поклонение учителю и наставнику порой становилось решающим фактором при определении идейной платформы в последующие годы. Так, Мануил Хрисолора и Мануил Калека под влиянием пролатинских настроений Димитрия Кидониса склонились к католицизму⁶¹. Георгий Схолярый, подписавший унию на Ферраро-Флорентийском соборе, обратился затем с покаянным письмом⁶² к своему учителю Марку Евгенику, а после

его смерти, как прежде Марк, стал главой православной церкви.

Однако, понимая назначение византийской риторики и делая при чтении похвальных слов учителям некоторую скидку на традиционность темы, следует заметить, что содержащаяся порой в сочинениях византийских авторов критика в адрес учителей свидетельствует, что и похвалы не всегда были лишь литературным трафаретом.

Как известно, не сложились отношения между Никифором Влеммидом и его учителем логики и патом философов Димитрием Кариком⁶³. По описанию Влеммида, Карик, подвергнувший его после завершения обучения публичному испытанию в присутствии императора, стремился представить ученика невеждой, но Влеммид своими ответами поверг в замешательство экзаменатора, что привело к еще большему ухудшению отношений между ними.

Георгий Акрополит не очень лестно отзывался о своем учителе Феодоре Экзаптеринге, называя его человеком «малосведущим в математике»⁶⁴. Даже Никифор Григора, считавший Феодора Метохита идеалом ученого, в письме к Иосифу Ракендиту объективно оценивал его познания: «...Для достижения совершенства его трудам недостает только двух вещей — изучения логики Аристотеля и метафизики»⁶⁵. Признавая достоинства своего учителя, Никифор Григора, однако, не считал совершенным его литературный стиль и писал, что Феодор Метохит не хотел «смягчать важные мысли приятностью и легкостью изложения... от этого он царапает и терзает слух принимающихся за его сочинения, как шипы розы царапают руку срывающего розу»⁶⁶.

Иногда в отношениях учителя и ученика наступал полный разрыв по соображениям идейного порядка. Так разошлись пути Димитрия Кидониса и его первого учителя Нила Кавасилы. Они оказались в различных лагерях: Нил стал апологетом паламизма, а Димитрий Кидонис — активным его противником. Кидонис в «Апологии I» с обидой вспоминает, что он в дни своих тревожных поисков и стремления разобраться в причинах разногласий между западной и восточной церквями, обратившись к учителю, который когда-то напутствовал его в первых выступлениях, на этот раз не получил поддержки. Он писал: «Я рассказал ему о хаосе в собственной душе, сказал, что говорили люди, которых я спрашивал, и что среди них не было никого, кто дал бы опору моему духу и что, напротив, мои колебания существуют, как и прежде. Я просил у него лекарства для моей больной души»⁶⁷. Учитель, на которого Кидонис возлагал надежды, стал склонять его к молчанию, которое бы позволило Кидонису не испортить отношения с двором и императором. Поскольку Димитрий Кидонис не встал на предложенную учителем позицию лавирования и замалчивания своей точки зрения, пути их разошлись. Нил Кавасила стал публично

критиковать позицию бывшего ученика. Кидонис считал, что «он делал это из опасения подвергнуться из-за его дружбы со мной аналогичным подозрениям»⁶⁸. Когда Нил выступал с защитой точки зрения, противоположной позиции Кидониса, последний дал следующую характеристику этому научному труду: «...Он хотел помочь убожеству мыслей красивыми словами, закругленными периодами, чередованием способов изложения и неожиданными стилистическими новшествами, короче говоря, аттической изысканностью и старался... сделать оскорбления более приятными... Для меня... это красноречие и многословие... не содержало ничего полезного: слова звучали у меня в ушах, в рассудок же из этого ничего не проникало... Он задвинул истину на задний план изысканностью речи...»⁶⁹ Столь пространный псогос учителю — явление нечастое в поздневизантийской литературе. Отдавая должное учености Нила, Кидонис выступает с бескомпромиссной критикой нравственной позиции учителя, превратившего науку в политику и поправшего, с точки зрения ученика, те нормы поведения ученого, которым он некогда обучал своих учеников.

Иногда недоброе отношение к какому-либо ученому передавалось по наследству от учителя. Так, Матфей Камариота, ученик Схолария, вслед за учителем поносил Плифона, называя школу, которую когда-то прошел и Схоларий, «плифоновской чумой»⁷⁰. Принципиальными идейными расхождениями были отмечены нередко и отношения бывших соучеников. Виссарион и Марк Евгеник, учившиеся у Плифона, стали непримиримыми врагами: первый провел в жизнь идею унии с латинянами, второй же выступил ее активным противником⁷¹. Стереотип отношений интеллектуальной близости и дружественности в византийской ученой среде на уровне учеников и учителей (или соучеников) часто корректировался жизнью.

Приведенные примеры позволяют дополнить картину византийского образования и образованности. Разумеется, содержащиеся в византийской риторике энкомии учителям во многом отражают законы сложившегося издавна литературного жанра. Подобные примеры можно было бы найти и у Анны Комниной, и у Михаила Пселла, и у писателей других периодов в истории Византии. Разумеется, отношения учитель — ученик, строившиеся по канонам ученой дружбы⁷², восходят как к идеалу к античной системе образования. В целом преемственность в сфере высокого образования не только является доказательством традиционализма, характерного для многих сфер общественной жизни византийского общества, но и узости социального охвата образованием населения империи. Несмотря на присутствие определенного литературного штампа в освещении темы учитель — ученик, сочинения названных писателей помогают воссоздать отдельные фрагменты реальных интеллектуальных связей в поздневизантийском обществе.

- ¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на научных чтениях, посвященных памяти профессора М. Я. Сюзюмова в связи с его 90-летием.
- ² Представляется доказательным мнение Г. Хунгера относительно того, что историю культурного подъема начала XIV в. следует вести с середины XIII в. (См.: **Hunger H.** Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit. Mit einem Exkurs über die Kosmike delosis Theodoros' II Ducas Laskaris // JÖBG. 1959. 8. S. 123).
- ³ Nicephori Gregorae Byzantina historia. L. VIII. C. 5. P. 309. 8.
- ⁴ См.: **Krumbacher K.** Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). München, 1897; **Beck H.-G.** Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959; **Hunger H.** Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1—2; **Karayannopoulos J., Weiss G.** Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324—1453). Wiesbaden; Harrassowitz, 1982. Bd. 1—2; Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit/Erst. von E. Trapp. Wien, 1976—1983. Fasz. 1—6; **Karayannopoulos J. E.** Pegai tes byzantines historias. Thess., 1970.
- ⁵ См.: **Krumbacher K.** Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 135. Об употреблении понятия «didaskalos ton didaskalon» в значении «megas didaskalos» см.: Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981. Bd. 1. Hbd. 2, S. 508—510.
- ⁶ Nic. Gr. Hist. L. IX. C. 7. P. 429. 7—9.
- ⁷ Ibid. P. 429. 18—23.
- ⁸ См.: Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896. P. 55. 8, 15—16; **Барвинок В. И.** Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911. С. 5—6.
- ⁹ См.: Летопись великого логофета Георгия Акрополита. СПб., 1863. С. 58—59 (далее — Акр.).
- ¹⁰ См.: **Guilland R.** Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. P., 1962. P. 6—7.
- ¹¹ См.: **Алексей еп.** Византийские церковные мистики 14-го века. Казань, 1905. С. 7; **Meiyendorff J.** Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. P., 1959. С. 1.
- ¹² Акр. Гл. 32.
- ¹³ PG. T. 150. C. 1116 D.
- ¹⁴ Nic. Gr. Hist. L. VII. 11. P. 270. 7—9.
- ¹⁵ Ibid. L. VIII. 5. P. 309. 1—4.
- ¹⁶ См.: Correspondance de Nicéphore Grégoras / Texte éd. et trad. par R. Guilland. P., 1927. N 14. P. 65. 7—8.
- ¹⁷ Ibid. P. 63. 17—20.
- ¹⁸ Ibid. P. 15. 7—8.
- ¹⁹ **Merkati G.** Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. Studi e Testi, 56. Vatic., 1931. P. 391. 7—10.
- ²⁰ PG. T. 142. C. 24 B.
- ²¹ См.: **Удальцова З. В.** Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 92.
- ²² См.: Там же. С. 77.
- ²³ См.: **Krumbacher K.** Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 773.
- ²⁴ См.: Ibid. S. 774.
- ²⁵ См.: Ibid. S. 543.
- ²⁶ См.: **Guilland R.** Essai sur Nicéphore Grégoras... P. 4, 180.
- ²⁷ См.: Nic. Gr. Hist. L. X. 2. P. 475. 1—481. 13.
- ²⁸ См.: **Merkati G.** Notizie... P. 110.
- ²⁹ См.: **Медведев И. П.** Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.
- ³⁰ PG. T. 161. C. 697.
- ³¹ Nic. Gr. Hist. L. VII. 11. P. 271. 24—272. 1.
- ³² Ibid. P. 272. 14—21.
- ³³ Ibid. L. I. P. 10. 15—16.

- ³⁴ Ibid. L. VIII. 8. P. 327. 19—23.
³⁵ Ibid. L. VII. 11. P. 272. 21—273. 1.
³⁶ Ibid. L. IX. 7. P. 429. 15—18.
³⁷ **Барвинок В. И.** Никифор Влеммид. ... С. 329—331.
³⁸ См.: Там же. С. 331.
³⁹ См.: Там же. С. 334.
⁴⁰ Nic. Gr. Hist. L. VIII. 5. P. 309. 22—312. 12.
⁴¹ См.: **Krumbacher K.** Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 546.
⁴² PLP. F. I. N 67. P. 5.
⁴³ **Merkati G.** Notizie... P. 391. 11—18.
⁴⁴ См.: **Barker J. W.** Manuel II Palaeologus (1391—1425). New Bruswick; New Jersey, 1969. P. 414—419; Tin. S. 47.
⁴⁵ **Loenertz R.-J.** Manuel Paléologue et Démétrius Cydonés. Remarques sur leur correspondances // EO. 1937. 36. P. 271—283, 474—487; 1938. 37. P. 107—124; **Dennis G. T.** The Lettres of Manuel II Paleologus. Dumbarton Oaks; Washington, 1977.
⁴⁶ См.: **Tinnefeld Fr.** Einleitung // Demetrios Cydones. Briefe. S. 46. Anm. 260.
⁴⁷ См.: Ibid. S. 45—49.
⁴⁸ См.: Démétrius Cydonès: Correpondance / Publ. par. R.-J. Loenertz. Studi e Testi. 186, 208. Vatic., 1956, 1960.
⁴⁹ Об отношении Димитрия Кидониса и Радена см.: **Tinnefeld Fr.** Freundschaft und paideia: die Korrespondenz des Demetrios des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375—1387/8) // Byzantion, 1985. T. 55. Fasc. 1. P. 210—244.
⁵⁰ См.: **Удальцова З. В.** Жизнь и деятельность Виссариона Никейского. С. 78.
⁵¹ См.: **Медведев И. П.** Мистра. Л., 1973. С. 101.
⁵² Nic. Gr. Hist. L. VIII. 2. P. 289. 22—23.
⁵³ Ibid. L. IX. 5, 13.
⁵⁴ Ibid. L. VIII. 5. P. 309. 1—4.
⁵⁵ См.: **Tinnefeld Fr.** Einleitung. S. 47.
⁵⁶ См.: Ibid. S. 51.
⁵⁷ См.: **Удальцова З. В.** Жизнь и деятельность Виссариона Никейского. С. 76.
⁵⁸ См.: **Ševčenko I.** Theodore Metochites: Chora et les courants intellectuels de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 15—39.
⁵⁹ См.: **Tinnefeld Fr.** Einleitung. S. 46. Anm. 261.
⁶⁰ См.: **Медведев И. П.** Византийский гуманизм... С. 47.
⁶¹ См.: **Beck H.-G.** Kirche und theologische Literatur... S. 740, 751.
⁶² PG. T. 160. C. 533—536.
⁶³ См.: Nic. Blem. Curric. P. 55. 15—19.
⁶⁴ Акр. С. 59.
⁶⁵ Nic. Gr. Corr. N 13. 59. 25—27.
⁶⁶ Nic. Gr. Hist. L. VII. 11. P. 272. 12—14.
⁶⁷ **Merkati G.** Notizie... P. 391. 19—22.
⁶⁸ Ibid. P. 392. 40—42.
⁶⁹ Ibid. P. 393. 63—69.
⁷⁰ **Медведев И. П.** Мистра. С. 101; **Он же.** Византийский гуманизм... С. 34.
⁷¹ **Удальцова З. В.** Жизнь и деятельность Виссариона Никейского. С. 80—82.
⁷² См.: **Tinnefeld Fr.** «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos: Theorie und Wirklichkeit // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 155 f.